

Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.)

Наталья Алеврас, Наталья Гришина

Российская диссертационная система никогда не была статичной. Её основные черты определялись на протяжении всего XIX в., кардинально менялись в первой трети и относительно стабилизировались во второй половине XX в., что было связано как с принятием регулирующих законодательных актов, так и с ценностными ориентирами научного сообщества. Не раз возникали проблемные и даже конфликтные ситуации, влиявшие на складывание специфической «диссертационной культуры»¹. В настоящее время система присуждения учёных степеней вновь подвергается реформированию.

Уже к середине XIX в. в России сложилось представление о миссии университетов, призванных обеспечить выработку научного знания, образование юношества и подготовку специалистов, облечённых учёными степенями. Либеральный университетский устав 1863 г.² признавал безоговорочное право получения учёной степени за лицами всех социальных слоёв (ст. 114). «Положение об испытаниях на звание действительного студента и учёные степени», утверждённое 4 января 1864 г., разъясняло, что речь идёт о «подданных всех состояний», и предоставляло возможность «узаконенным порядком» получить «увольнение» из податных сословий³. При этом, несмотря на поступавшие предложения исключить считавшиеся архаичными звание действительного студента и степень кандидата⁴, устав 1863 г. сохранял прежние учёные степени и устанавливал обязательную последовательную связь между ними (ст. 111–113).

Университетский устав 1884 г. сохранял начатую ещё с 1840-х гг. дифференциацию разрядов наук, по которым присуждались учёные степени, и одновременно упрощал процедуру их получения⁵. Так, в новом уставе остались 39 разрядов научных областей, введённых в 1863 г., но устанавливалась двух-

© 2014 г. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина

Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-1810.2013.6).

¹ Подробнее см.: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX века в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 36. М., 2011. С. 222.

² Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 г. // ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39752. С. 621–637.

³ Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1864. Ч. СХХI. С. 96–110. П. 2, 11.

⁴ См.: *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 180–192.

⁵ Эта тенденция заметна уже в «Положении о производстве в учёные степени» от 6 апреля 1844 г., сокращавшем время на процедуру «испытаний», упрощавшем и систематизировавшем объём экзаменационного материала (ЖМНП. 1844. Ч. XLII С. 179–190. П. 32–33, 40–42). Устав 1863 г. и разъяснявшее его в части «испытаний» на учёные степени Положение 1864 г. пошли дальше, отменив экзаменационные испытания для претендентов на получение докторской степени (ЖМНП. 1864. Ч. СХХI. С. 96–110. П. 22).

звенная структура – магистерская и докторская степени (ст. 85), что уменьшало различия между российской и европейской диссертационными практиками. Подтверждалась и осуществлённая в 1863–1864 г. отмена экзаменов для «ищущего степени доктора» (ст. 87). Кроме того, устав 1884 г. позволял факультету при «выдающихся достоинствах» магистерской диссертации обращаться в совет университета с ходатайством о «возведении» магистранта сразу в степень доктора⁶.

Преимственность в регулировании процесса присуждения учёных степеней проявлялась и в увеличении полномочий структурных подразделений университетов. Так, согласно Положению 1844 г., окончательное решение об утверждении в магистерской и докторской степенях принималось министром народного просвещения (ст. 36, 44). По уставу 1863 г. (ст. 110) и Положению 1864 г. (ст. 21, 23, 24, 28, 29) все организационно-процедурные вопросы, связанные с «испытаниями», защитой диссертаций и утверждением претендентов в учёной степени, полностью находились в компетенции факультетов и советов университетов. В 1884 г. полномочия факультетов и университетских советов в «удостоении учёных степеней» были подтверждены (ст. 27, § 1–2, ст. 30, 82). В компетенцию министерства входило рассмотрение ходатайств факультетов и факультетских собраний по этим вопросам только в случаях нестандартных ситуаций. В частности, устанавливалось право для «лиц, приобретших известность учёными трудами», и для «лиц, приобретших почётную известность своими научными трудами», удостоиваться учёными степенями особым порядком. Первых предполагалось выдвигать «прямо к соисканию степени доктора», вторых – «в степень доктора, без испытания на степень магистра и без предоставления диссертации» (ст. 30, § 3, п. 9–10). Эти положения, несколько корректировавшие нормы 1863 г. (примечание к ст. 113), расширяли круг претендентов на получение учёных степеней. Одними из первых ст. 113 устава 1863 г. воспользовались К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин. В 1865 г. в совете Петербургского университета рассматривалось ходатайство юридического факультета о «возведении» обоих в степень доктора. В ходе баллотирования 1 ноября Б.Н. Чичерин получил данное звание (15 шаров «за» и 11 «против»), а К.Д. Кавелину это не удалось (16 членов совета высказались «против» возведения его в степень доктора и только 11 – «за»)⁷.

Таким образом, устав 1884 г. не менял основного смысла норм 1863–1864 гг. о подготовке научных кадров и присуждении учёных степеней. Устав 1863 г. и Положение 1864 г. фактически сохраняли приоритетное значение в университетской жизни до начала XX в.⁸ Но возникла двусмысленная ситуация: нормативные документы 1860-х гг. были ориентированы на систему 3-х учёных степеней (не считая звания действительного студента), в то время как новый устав оставлял лишь две. Это, как замечено Е.В. Соболевой, не привнесло унифицированного порядка и провоцировало использование норм двух уставов⁹. Проблема лишь усугублялась тем, что в уставе 1884 г. говорилось о разработке новых «правил» предоставления учёных степеней, которые так и не были составлены. Тем не менее и в 1880-е гг. министерство не усомнилось в научной

⁶ Общий устав императорских российских университетов, 23 августа 1884 г. // ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2404. С. 456–474. Ст. 30, § 1, п. 3; ст. 88.

⁷ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 6225, л. 1–7.

⁸ См.: Иванов А.Е. Учёные степени в Российской империи. XVIII в.–1917 г. М., 1994. С. 38.

⁹ Соболева Е.В. Указ. соч. С. 207–211.

компетентности университетского сообщества, в его способности выявлять и готовить претендентов на учёные степени, проводить защиты диссертаций и оценивать квалификацию их авторов. Этот «островок независимости» российских университетов от министерского диктата был сохранён.

В то же время нормативные документы, определявшие правила подготовки учёных и присуждения им степеней, не регламентировали многие процедурные стороны и не устанавливали стандарты и объём документации, возникавшей в процессе подготовки соискателя к диссертационному диспуту. К примеру, процедура защиты диссертаций не протоколировалась. В уставах и Положении об учёных степенях очерчивалась лишь процедурная схема движения соискателя от экзаменационных испытаний к защите диссертации. В них говорилось о необходимости заблаговременного представления факультету изданного текста диссертации, кратких тезисов её содержания, «письменного разбора» (отзыва) профессора, на кафедре которого она выполнялась, назначения не менее двух оппонентов, публичности защиты¹⁰. Университеты и факультеты брали на себя функцию освещения в печати хода и результатов событий, связанных с защитами диссертаций. Как от самих соискателей учёных степеней, так и от всех участников этого сложного и многостороннего процесса в достижении поставленной цели требовалось вложение большой интеллектуально-эмоциональной энергии, физического здоровья, временных затрат, творческого подхода и вдохновения. Конечным продуктом становилась диссертация, которую многие учёные-современники воспринимали как серьёзный, фундаментальный научный труд, ориентированный на открытие нового в науке. С 1805 по 1919 г. во всех российских университетах по разрядам исторических наук было защищено 275 диссертаций (в 1805–1859 гг. – 59, в 1860–1889 гг. – 93, в 1890–1919 – 123)¹¹. Особое внимание в научной и общественной среде привлекали докторские диссертации и диспуты (таковых было 95).

В первой половине 1890-х гг. трое историков (Н.М. Бубнов, М.С. Корелин и Р.Ю. Виппер) воспользовались ст. 88 Устава 1884 г., предусматривавшей возможность возведения магистра прямо в степень доктора¹². Существование подобной нормы во многом объяснялось недостатком докторов и профессоров в российских университетах и желанием правительства как можно скорее заполнить вакансии. Однако присуждение докторства, минуя магистерство, так и не стало обычной практикой университетской жизни. Подобные случаи встречали сопротивление и повышали уровень конфликтности в научной среде. Так, предоставление 19 мая 1891 г. докторской степени Н.М. Бубнову вызвало нареkania со стороны его коллег. В журнале заседания историко-филологического факультета 19 мая 1891 г. кратко зафиксированы итоги диспута Бубнова и принятое большинством голосов решение, учитывая «выдающиеся достоинства»

¹⁰ ЖМНП. 1864. Ч. СХХI. С. 96–110. П. 21, 23–29.

¹¹ Подробнее см.: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Указ. соч. С. 226–228, 243.

¹² Прецеденты получения докторства, минуя магистерство, встречались в университетской практике и раньше. Так, известен состоявшийся 13 мая 1868 г. диссертационный диспут К.Н. Бестужева-Рюмина, который после сдачи магистерского экзамена исполнял обязанности доцента кафедры русской истории Петербургского университета. По ходатайству историко-филологического факультета его первая диссертация была признана как «превосходное исследование», и совет университета баллотировал его сразу в степень доктора, что позволило провести утверждение его сначала экстраординарным, а потом и ординарным профессором (*Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1832–2004. СПб., 2004. С. 37–39).

диссертации, ходатайствовать перед советом университета о возведении её автора «прямо в степень доктора всеобщей истории»¹³. Но В.Г. Васильевскому, учителю Бубнова, пришлось возражать С.Ф. Платонову и М.И. Горчакову, сомневающимся в целесообразности этого¹⁴.

В Московском университете начало 1890-х гг. также ознаменовалось несколькими попытками ускоренно приобрести докторство, что породило некоторую напряжённость в жизни историко-филологического факультета. Первым магистрантом, удостоенным сразу докторской степени, стал 10 мая 1892 г. М.С. Корелин. Оставленный в 1880 г. В.И. Герье для подготовки к профессорскому званию, молодой историк уже в 1882 г. сосредоточился на изучении «истории духовной культуры», поскольку в ней «выражается век, многообразные явления исторической жизни». Стремясь «исчерпать» локальный предмет своего исследования «всесторонне и с совершенною полнотою», Корелин смело признавался, что «желал бы оказать посильную помощь при сооружении того здания, над которым работают историки всех стран и народов»¹⁵. На окончательную формулировку темы диссертации у Корелина ушло несколько лет. Очевидно, только после заграничной командировки 1885–1887 гг. и изучения рукописей и исследований западноевропейских историков в зарубежных библиотеках у него сложился план будущей работы. В ноябре 1886 г. Корелин изложил свои соображения Герье, тогда же он пришёл к мысли, что магистерская степень уже не цель, а только «перепутье». Летом 1887 г., ориентируясь на привычный порядок получения учёных степеней, Корелин сообщил учителю, что одновременно собирает материал для «второй» (докторской) диссертации¹⁶. Таким образом, в это время идея миновать магистерскую защиту ещё не возникла. Вероятно, к началу 1890-х гг. при активном участии Герье было принято решение соединить в одной работе все собранные материалы и ходатайствовать о праве претендовать на докторскую степень. К моменту диспута Корелину было уже 36 лет, и он, несомненно, считал жизненной необходимостью и делом чести как можно скорее подготовить основательное научное исследование, которое позволило бы ему повысить профессиональный статус. Его дневники и письма свидетельствуют о перенапряжении, с которым он работал над своим трудом, и о довольно серьёзных проблемах со здоровьем. Но это не помешало ему представить оригинальное исследование в двух выпусках, первый из которых насчитывал более 500, а второй – более 1 тыс. страниц¹⁷. Докторский диспут, как представлялось Корелину, прошёл блестяще. «Никогда не работал с такою интенсивностью, как в этом году, – отметил он в дневнике 31 мая 1892 г., – и никогда ещё не имел такого успеха. 15 апреля кончил диссертацию, 22-го – представил её в факультет, 29 – дали доктора»¹⁸ и 10 мая – диспут. Возражения Герье, Стороженко и Веселовского носили отеческий характер и произвели, по-видимому, благоприятное впечатление. Хорошие отзывы в га-

¹³ См.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 27, д. 613, л. 168. Заметим, что в отличие от Московского университета, где вопрос о возможности присуждения докторства решался до диспута, в Петербургском подобное решение принималось факультетом сразу после диспута, по его итогам.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 5691, л. 61–61 об.

¹⁵ Цит. по: *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 230, 231.

¹⁶ Там же. С. 271, 272, 281.

¹⁷ Через 20 лет его диссертация была переиздана. См.: *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Изд. 2. Т. 1–4. М., 1914.

¹⁸ Имеется в виду удовлетворение факультетом ходатайства М.С. Корелина о выдвижении его труда на соискание докторской степени.

зетах. Много писем и телеграмм»¹⁹. После защиты докторской диссертации Корелин получил должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории.

Между тем впечатления некоторых сторонних наблюдателей о диспуте Корелина и его диссертации были весьма сдержанны. А.Е. Пресняков, приехавший в Москву для работы в архиве и присутствовавший на диспуте, обобщая критические замечания и разговоры московских историков, писал матери: «Работы в двух больших томах много, но воды и избитых общих мест тоже достаточно, а выводы его – все такого сорта». По словам Преснякова, «вытянул его Герье, который очень его любит»²⁰. Сам Корелин также почувствовал неоднозначное отношение к получению им докторской степени. В ноябре 1892 г. в «длинном» разговоре с Р.Ю. Виппером он пытался выяснить «причины недовольства... историков», сетовавших на «легкомыслие» его «учёной и педагогической деятельности»²¹. Вероятно, в нём видели разрушителя десятилетиями складывавшихся традиций последовательного приобретения учёных степеней. Сказывалось и то, что он был известен тяжёлым характером и склонностью к нелицеприятной оценке коллег.

Напряжённая ситуация сложилась вокруг состоявшейся 14 мая 1894 г. защиты Р.Ю. Виппера. Ещё 27 апреля историко-филологический факультет по инициативе В.И. Герье и П.Г. Виноградова постановил присудить ему в случае успешной защиты степень доктора. «В глубине души я был против этого, но, может быть, по зависти, – откровенно признавался в дневнике Корелин, – но действовал за [из] солидарности и приличия»²². Тем не менее вскоре после диспута он констатировал, что отношения с Виппером «порваны», а «випперовский кружок» настроен к нему «враждебно»²³. Ситуация усугублялась тем, что Виппер не мог остаться на кафедре всеобщей истории, так как должности её ординарного и экстраординарного профессоров были заняты Герье и Корелиным. Новоиспечённому доктору пришлось отправиться на службу в Новороссийский университет. Обращая внимание на соперничество среди учеников Герье, Т.Н. Иванова указывает, что после вынужденного отъезда из Москвы Виппер «до конца своей жизни таил глухую обиду на своего учителя»²⁴.

«Неудачная» диссертационная история П.Н. Милюкова также осложнила отношения между учителем и учеником. Его диспут состоялся через неделю после защиты М.С. Корелина, однако он не был рекомендован факультетом к докторской степени, прежде всего из-за того, что В.О. Ключевский считал в данном случае нецелесообразным применять ст. 88. Успех Корелина «на фоне неудачи Милюкова вызвал раздражение среди молодых московских историков, поскольку энергичный и жизнелюбивый Милюков к тому време-

¹⁹ Центральный государственный архив города Москвы (Центр хранения документов до 1917 г.) (далее – ЦГА г. Москвы), ф. 2202, оп. 3, д. 1, л. 25.

²⁰ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 35.

²¹ Макушин А.В., Трибунский П.А. Дневниковые записи М.С. Корелина о П.Н. Милюкове // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 496.

²² Там же. С. 498.

²³ Там же.

²⁴ Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары, 2010. С. 319.

ни уже пользовался большим авторитетом в их среде, Корелин же держался несколько особняком»²⁵.

Следует отметить, что при рассмотрении вопроса о возможности «возведения» П.Н. Милюкова, которому, как и М.С. Корелину, к моменту защиты диссертации было уже более 30 лет, сразу в степень доктора известное противодействие возникло вне связи с характером и уровнем представленной им к защите диссертации²⁶. В её основательности и научной ценности, а также таланте самого диссертанта практически все были уверены. Сам историк, который, по собственному признанию, «готовил вклад в науку»²⁷, находился в расцвете интеллектуальных и физических сил. «Я не сомневался, что меня хватит на сколько угодно диссертаций», – вспоминал он²⁸. Однако докторство обеспечивало стабильность дальнейшего карьерного роста, а при получении профессорства существенно повышало жалование учёного²⁹. Отказ Милюкову в докторстве опирался на укоренённый в университетской культуре предшествующими уставами принцип последовательного движения соискателя от низшей к высшей учёной степени. Ключевский, не раз выступавший против нарушения этой традиции, придерживался её, возможно, и из «воспитательных» соображений. Сыграли свою роль напряжённые личные отношения ученика и учителя, сложившиеся задолго до диспута³⁰. Кроме того, перспектива карьерного скачка к профессорству ученика создавала ситуацию явного соперничества в сфере статусных взаимоотношений учителя-профессора и ученика, претендующего на эту должность³¹, что провоцировало конфликт. И хотя схожая ситуация не стала препятствием для Корелина, проблемы с «трудоустройством» других защитившихся учеников Герье на долгие годы порождали трения внутри его научной школы.

Так или иначе, получив от «реакционного» устава возможность ускорить продвижение талантливой молодёжи к высшим учёным степеням и карьерному росту, научное сообщество оказалось неготовым к её реализации. По подсчётам Г.Г. Кричевского, из общего числа защищённых в России после устава 1884 г. диссертаций установленным в его 88-й статье правом воспользовалось «не более 30» человек³². Многие соискатели не рисковали идти на этот шаг. Сказывались и сложные взаимоотношения в научной среде, и личные амбиции, и несоответствие вызовам времени сети университетов и их «штатного расписания».

²⁵ Макушин А.В., Трубинский П.А. Дневниковые записи М.С. Корелина о П.Н. Милюкове. С. 495.

²⁶ См.: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого. М., 1892 (Изд. 2. СПб., 1905).

²⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 107.

²⁸ Там же. С. 106–107.

²⁹ К этому времени Милюков уже устал от «беготни по урокам» для пополнения семейного бюджета (Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). Омск, 2003. С. 54).

³⁰ История их взаимоотношений и затяжного конфликта детально описана. См., например: Макушин А.В., Трубинский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 50–76.

³¹ Любопытно, что, фиксируя «непреклонность» Ключевского в отстаивании своей позиции, Милюков резюмировал: «Члены факультета понимали, что речь идёт не о продвижении науки, а о продвижении в университетской карьере» (Милюков П.Н. Воспоминания. С. 107).

³² Кричевский Г.Г. Учёные степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 148.

Драматические истории получения докторской степени не могли не влиять на представителей младшего поколения историков, стоявших перед выбором профессионального пути. К примеру, петербуржец А.Е. Пресняков (тогда – студент, окончивший третий курс и взявшийся за подготовку конкурсного сочинения) писал матери: «Предполагается, что магистр пишет докторскую диссертацию. Но всё это учёные степени, скажешь ты, а профессура? Профессура даётся старшему доценту по вакансии. Так, после Замысловского стал профессором Платонов, и я надеюсь, что не доживу до того, чтобы в Петербургском университете был другой профессор русской истории, так как это значит, что Платонов скончался или ушёл»³³. «Я на это дело так смотрю, – рассуждал он в 1899 г., выбирая между преподаванием в гимназии или университете, – наука, умственные интересы и т.д. – это одно, а учёная карьера – другое, которая должна сама к первому приложиться, а гнуть первое под второе – дело нежелательное... А иначе – не стоит». «Неужели ты, мамочка, – вопрошал Пресняков, – хотела бы видеть твоего Саню профессором, который пролез в это звание с трудами, написанными ради получения учёной степени, но посредственного достоинства?»³⁴.

Обязательная привязка докторской степени к профессорскому званию, закреплённая нормами пореформенных уставов³⁵, формировала в научном сообществе представление о повышенном статусе докторской диссертации. Законодательно вводившиеся самые общие требования к содержанию диссертаций касались именно докторских работ. Так, ещё в 1844 г. обращалось внимание на то, что докторская диссертация должна быть самостоятельным сочинением, не повторяя тему магистерской³⁶. Положение 1864 г. также требовало самостоятельной разработки какого-либо научного вопроса, допуская в докторской работе «обширное исследование предмета магистерской диссертации», но не её повторение³⁷. Фактически же научная общественность сама вырабатывала критерии состоятельности как магистерской, так и докторской диссертаций. При этом жёстких различий между ними не существовало. Вместе с тем проблемные или даже скандальные ситуации с защитой некоторых диссертаций вызывали полемику и порождали ряд суждений и предложений по совершенствованию системы присуждения учёной степени доктора и существующих традиций диссертационной культуры. Однако, поскольку когорты носителей учёных степеней были тогда вполне обозримы, низкий уровень диссертаций, в особенности докторских, являлся экстраординарным событием, а факультетский отзыв легко мог остановить претендента, представившего «слабую» работу.

Примером может служить отрицательный отзыв на докторскую диссертацию ученика К.Н. Бестужева-Рюмина А.И. Барбашева, посещавшего «Кружок русских историков», центральной фигурой которого, как известно, был С.Ф. Платонов. В 1886 г. (за два года до защиты Платоновым магистерской диссертации) Барбашев уже стал магистром русской истории, а в 1892 г. представил историко-филологическому факультету Петербургского университета сочинение «Очерки Литовско-русской истории XV в. Витовт, последние двадцать лет княжения», рассчитывая получить за него степень доктора. Платоно-

³³ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники... С. 66.

³⁴ Там же. С. 305–306.

³⁵ ПСЗ-II. Т. 38. № 39752. ст. 68; ПСЗ,-III. Т. 4. № 2404. Ст. 99.

³⁶ ЖМНП. 1844. Ч. XLII. С. 179–190. П. 37, 38.

³⁷ Там же. 1864. Ч. СXXXI. С. 96–110. П. 28.

ву, занимавшему с 1890 г. должность экстраординарного профессора, но ещё не защитившему докторской диссертации³⁸, факультет поручил дать отзыв. Сложилась довольно «пикантная» ситуация, так как появление нового доктора русской истории теоретически могло создать конкуренцию профессору без докторской степени. Платонов в то время усиленно работал над диссертацией, но её защита состоялась только в 1899 г.

Судя по черновику отзыва Платонова, сохранившемуся в его архивном фонде³⁹, претендент на докторство вряд ли мог составить конкуренцию талантливому профессору. В отзыве отмечалась тематическая связь магистерской диссертации и представленного Барбашевым исследования, однако его новый труд признавался самостоятельной монографией «по заглавию» и структуре, что формально соответствовало нормативным требованиям. При этом введение характеризовалось как «краткое» и «поверхностное», лишённое аналитического подхода при работе с источниками и самостоятельности суждений. Дав лаконичное описание восьми глав, содержание которых не привлекло его внимания, рецензент признал наиболее ценным лишь одно из приложений – «Летописные источники в истории Литвы в средние века». Большая часть отзыва была посвящена доказательству отсутствия в диссертации какой-либо «теоретической постановки темы» и новизны её разработки. Автору, по мнению Платонова, удалось создать лишь «сводную летопись», «реестр» изучаемых событий, а его сочинение «не вводит читателя в новое научное понимание вопроса» и «представляется... отсталым в основных воззрениях на избранную им эпоху и на её изучение». Диссертация явно страдала описательностью («прагматическим изложением» материала). Барбашеву не удалось охарактеризовать эпоху в целом и предложить собственную интерпретацию литовско-русской истории времён Витовта. В упрёк ему ставились также «скудость научных результатов» и отсутствие «разбора взглядов других историков» (соискатель ограничился простым перечнем трудов своих предшественников в изучении темы, и это позволило рецензенту констатировать, что «историографического обзора... у него нет»). Приходя к заключению, что рецензируемое исследование «не даёт ничего нового и ценного», Платонов предоставлял факультету решать вопрос, «в какой мере труд г. Барбашева достоин высшей учёной степени». Однако характер отзыва не оставлял сомнений в том, какого мнения придерживался сам рецензент. Попытка В.Г. Васильевского убедить факультет дать А.И. Барбашеву «докторство *со снисхождением*» не увенчалась успехом⁴⁰.

Как содержание, так и структура отзыва С.Ф. Платонова, сделавшего акцент на методологических аспектах аргументации и проблемных местах рецензируемого исследования, раскрывают принципы и критерии, которыми руководствовались эксперты диссертационных трудов. Отражая культуру оппонирования конца XIX в., данный отзыв содержит ряд компонентов, которые вполне соответствуют и современной диссертационной практике.

³⁸ Профессорство С.Ф. Платонова – характерный пример обхода известных, отмеченных выше статей пореформенных уставов. Его назначение явилось результатом конкретных обстоятельств, связанных с уходом с должности профессора его предшественников (К.Н. Бестужева-Рюмина и Е.Е. Замысловского) и отсутствием на тот момент в университете доктора русской истории (Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Указ. соч. С. 91–109).

³⁹ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 1458, л. 1–12.

⁴⁰ Там же, д. 5692, л. 1.

Учёные не раз отказывались принимать к защите «слабые» диссертации. Так, в 1915 г. в Петербургском университете было «провалено» исследование О.Ф. Вальдгауэра, посвящённое истории искусства. Оно изначально весьма низко оценивалось в отзыве Б.В. Фармаковского, но затем нашло неожиданную поддержку со стороны М.И. Ростовцева, утверждавшего, что ранее «факультет пропускал диссертации не более достойные, чем эта». В дневнике Н.Н. Платоновой подобная позиция Ростовцева объяснялась тем, что диссертант возглавлял в Эрмитаже отдел древностей, где работал его заступник⁴¹. Но несмотря на это, факультет так и не допустил Вальдгауэра к защите. По свидетельству С.А. Жебелёва, когда стало ясно, что «диссертация будет отклонена», он вместе с Ф.Ф. Зелинским и Ростовцевым убедил коллег не проводить голосование. Автору частным порядком рекомендовали, чтобы «он взял свою диссертацию обратно, как если бы он её не представлял»⁴².

Неординарным событием стала защита в Петербургском университете диссертации Н.Д. Чечулина. В 1896 г. он представил в качестве докторского исследования свою книгу «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774» (СПб., 1896). Затронутые в ней сюжеты интересовали многих учёных, что привлекло к работе повышенное внимание. Диспут, который современники оценивали как скандальный и свидетельствующий о неэффективности правил подготовки соискателей к приобретению учёной степени⁴³, состоялся 8 декабря того же года. По результатам голосования («за» – 8, «против» – 2) Чечулин стал доктором⁴⁴.

Вскоре в печати развернулась дискуссия о необходимости реформирования диссертационной системы, продолжившаяся затем в официальных министерско-профессорских комиссиях 1902–1903 и 1906 гг.⁴⁵ Г.Ф. Шершеневич прямо поставил вопрос о целесообразности диссертационного диспута и подлогах при изготовлении научных трудов. Отмечая, что публичность защиты не «является единственной гарантией подлинности» проведённого исследования, поскольку «за деньги» можно приобрести и вынести на обсуждение «чужую диссертацию», Шершеневич видел в диспутах «только формальность». По его словам, они не приносят «никакой пользы целям науки, являются только тяжёлым испытанием для начинающего учёного и даровым зрелищем, нередко очень весёлым, для праздных зрителей»⁴⁶.

В.А. Мякотин, напротив, решительно встал на защиту традиции, считая диспут «наиболее плодотворным элементом» «учёного спора» и связующим звеном между университетами и широкой общественностью. Он утверждал, что «публика... приходит на диспуты, конечно, не учиться, но и не наблюдать бой атлетов, а знакомиться с представителями университетской науки»⁴⁷. Однако и он признавал формализацию диспутов. Для её преодоления Мякотин

⁴¹ Там же, д. 5695, л. 56 об.–58.

⁴² Из научного наследия: Записка о присуждении учёных степеней С.А. Жебелёва // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 2007. С. 157.

⁴³ См.: Шершеневич Г.Ф. О порядке приобретения учёных степеней. Казань, 1897; Мякотин В.А. Диспут и учёная степень // Русское богатство. 1897. Июль. № 7. С. 1–34; Сергеевич В.И. О порядке приобретения учёных степеней // Северный вестник. 1897. № 10. С. 1–19.

⁴⁴ См.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 8691, л. 6–85; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Указ. соч. С. 83–86.

⁴⁵ См.: Иванов А.Е. Указ. соч. С. 47; Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Указ. соч. С. 228–237.

⁴⁶ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 14–15, 17.

⁴⁷ Мякотин В.А. Указ. соч. С. 8–9.

рекомендовал расширить практику выступлений неофициальных (частных) оппонентов и строже относиться к тем официальным оппонентам, которые пытались скрыть явные недостатки диссертации. В частности, он резко критиковал выступление С.Ф. Платонова на диспуте Н.Д. Чечулина⁴⁸. Вместе с тем Мякотин указывал и на случаи, когда отрицательный отзыв оппонента препятствовал защите «серьёзного научного труда», как это произошло в 1895 г. с диссертацией В.Ф. Дерюжинского⁴⁹.

Ректор Петербургского университета В.И. Сергеевич также поддерживал идею «гласности» диспутов, считая, что они не только раскрывают особенности отдельных диссертаций, но и демонстрируют научные подходы различных «учёных школ». «Спор научных школ, – полагал он, – из залы диспута переносится в печать и решается историей»⁵⁰. Ставя вопрос о том, «существуют ли какие-либо объективные признаки, при наличии которых сочинение должно быть одобрено или забраковано», Сергеевич не давал на него ответа из-за «неопределённости требований», содержащихся в нормативных актах⁵¹. В результате, решая судьбу той или иной диссертации, факультет, по мнению профессора, исполнял роль «человеческого суда», со всеми его недостатками и слабостями. Тем не менее Сергеевич занял примиряющую позицию в этом вопросе, он не склонен был драматизировать ситуацию с выработкой чётких критериев оценки трудов соискателей. «Практика университетов, – отмечал он, – скорее склоняется к одобрению слабых трудов, чем к непризнанию действительных учёных заслуг. И это – правильно: нет никакого вреда от лишнего магистра или доктора, а недостаток их может быть вреден»⁵². Мякотин относился к появлению диссертаций с низким профессиональным уровнем менее миролюбиво и открыто возмущался позицией факультета, оставившего без внимания критику диссертации Чечулина со стороны неофициальных оппонентов и превратившего диспут в «пустую комедию».

Факультетская экспертиза диссертации часто проводилась с нарушением законодательных норм, согласно которым текст должен был рассматриваться «всеми членами факультета порознь», а его письменный анализ осуществлял «профессор или занимающий кафедру доцент, к предмету которого принадлежит сочинение»⁵³. Однако, как писал Шершеневич, «на самом деле диссертации читаются только лицами, которым поручается отзыв», и лишь в редких случаях, когда исследование «имеет общий для всех научный вопрос» или «почему-либо затрагивает личные вопросы», с ним знакомятся «многие члены факультета»⁵⁴. Неудивительно, что при таком отношении судьба работы «будет решаться единолично под прикрытием коллективного начала»⁵⁵. Шершеневича заботило и то, что даже если диссертация не принималась на одном факультете, она могла быть защищена в другом университете. С учётом всех этих обстоятельств лишь риторически можно было спрашивать: «Существует ли ка-

⁴⁸ Там же. С. 12, 22–27. Отзыв С.Ф. Платонова, поддержавшего своего коллегу и друга, см.: ЖМНП. 1897. Январь. Ч. СССІХ. С. 170–175.

⁴⁹ См.: Мякотин В.А. Указ. соч. С. 6.

⁵⁰ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 15, 16.

⁵¹ Там же. С. 7.

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ ЖМНП. 1864. Ч. СХХІ. С. 96–110. П. 21.

⁵⁴ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 18–19.

⁵⁵ Там же. С. 19–20.

кой-либо общий критерий научной ценности труда? Имеется ли общее мерило научной требовательности?»⁵⁶.

Не находя ответа ни в законодательстве, ни в традициях университетского сообщества, Шершеневич настаивал на необходимости реформирования существовавшего «порядка получения учёных степеней» и создания некоего «центрального учреждения» в составе Министерства народного просвещения, которое, не завися от особенностей научных традиций и психологического климата факультетов, координировало бы процесс рассмотрения диссертаций. В частности, данное «центральное учреждение» рассылало бы их экземпляры в различные университеты, собирало отзывы, которые публиковались бы в одном из журналов, и на основании мнений экспертов принимало бы окончательное решение о научной ценности работы и квалификации её автора⁵⁷. Это исключало как процедуру диспута, так и участие факультета и университета в присуждении соискателю учёной степени. Устраняя субъективные факторы, «центральное учреждение», по мнению Шершеневича, должно было гарантировать «беспристрастность» оценки диссертационных исследований.

Ни Мякотин, ни Сергеевич не поддержали эти предложения. Первый раскритиковал «механическое» сведение мнений разных факультетов о диссертации и «замену живого дела бесплодною канцелярщиною»⁵⁸, а второй, высмеив бюрократизм разработанного Шершеневичем порядка рассмотрения отзывов, напомнил, что «учёные силы» не создаются какими-либо формальными процедурами: «Для этого нужна любовь к наукам и отсутствие правил, мешающих их процветанию»⁵⁹. В то же время Сергеевич соглашался с тем, что следует публиковать отзывы на диссертации, особенно отрицательные, дабы исключить корыстные соображения рецензента и избежать «келейности» заседаний факультетов⁶⁰. Эта «полезная» и вносящая «большую гласность в дело приобретения учёных степеней» мера полностью одобрялась и Мякотиним⁶¹.

Начавшееся в 1890-е гг. обсуждение вопроса об организации процесса присуждения учёных степеней приобрело в новом столетии ещё большие масштабы. Даже в тревожном 1917 г. шли споры о проекте отмены магистерских экзаменов и о возможности получения звания приват-доцента на основании представления факультету сочинения *pro venia legendi*⁶². В канун октябрьских событий вокруг этого проекта, вызванного «нуждой провинциальных университетов в преподавателях»⁶³, на заседании совета историко-филологического факультета Московского университета развернулась острая дискуссия. Учёные опасались, что в результате принятия данной меры произойдёт, по словам декана А.А. Грушки, «девальвация научного ценза». А.А. Кизеветтер прямо указывал на желание министерства «получить преподавателей числом поболее, учёностью поуже». Однако на

⁵⁶ Там же. С. 23.

⁵⁷ Там же. С. 25–27.

⁵⁸ Мякотин В.А. Указ. соч. С. 33.

⁵⁹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 12.

⁶⁰ Там же. С. 7.

⁶¹ Мякотин В.А. Указ. соч. С. 32.

⁶² ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 476, д. 423, л. 63–66. В декабре 1917 г. свои заключения по данному проекту составили факультеты Петроградского университета (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 27, д. 62, л. 69).

⁶³ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 476, д. 423, л. 63–64 об.

факультете преобладало мнение о необходимости сохранения устоявшихся «повышенных требований»⁶⁴.

Перманентное обсуждение на протяжении двух десятилетий вопроса о присуждении учёных степеней свидетельствовало о том, что в российской диссертационной системе назрели перемены. Однако в конце 1910-х гг. вполне ожидаемая её трансформация была осуществлена в настолько радикальной форме⁶⁵, что многие оказались к этому не готовы. Одной из последних защит, организованных в рамках прежних правил, стал докторский диспут В.И. Пичеты, состоявшийся 21 апреля 1918 г. По воспоминаниям присутствовавшего на нём И.Ф. Рыбакова, официальный оппонент М.К. Любавский позволил себе отклониться от формальной процедуры оценки диссертации, заявив, что «диспут его друга и ученика – возможно, последний – “анахронизм наших печальных дней”, так как “кучка политических авантюристов, захвативших власть, поставила науку под сомнение и намерена её вовсе уничтожить”»⁶⁶.

Тем не менее инерция применения «старых» норм сохранялась до 1919 г., когда в Харьковском университете был организован магистерский диспут П.П. Смирнова и прошла защита докторской диссертации Е.Д. Сташевского, которого московские и харьковские коллеги обвиняли в краже из архивов ряда документов. В более спокойное время ему вряд ли бы удалось защититься⁶⁷.

Однако отмена учёных степеней не привела к уничтожению традиций диссертационной культуры, многие формы которой сохранялись на неофициальном уровне. В частности, на протяжении 1920-х гг. продолжали организовываться научные диспуты для получения научной «квалификации». Фактически учёная корпорация оставила за собой право своеобразной проверки на профессиональную компетентность. Свидетельства о «квалификационных» диспутах крайне скудны, но то, что они проходили как в «старых», так и в недавно появившихся университетских центрах, указывает на распространённость этой процедуры. В 1921 г. в Пермском университете прошёл диспут Н.П. Оттокара, по-видимому, не успевшего организовать защиту ранее⁶⁸. В том же году в Воронежском университете защитил своё исследование о воцарении Михаила Романова Г.А. Замятин (рукопись которого ещё в 1918 г. была принята в качестве магистерской диссертации Юрьевским университетом, но там защита так и не состоялась)⁶⁹. С.А. Жебелёв вспоминал о диспутах О.М. Фрейденберг в 1924 г. (на котором он был одним из официальных оппонентов) и В.В. Струве в 1928 г. Несмотря на соблюдение всех формальных процедур, они носили почти «до-

⁶⁴ Там же, л. 64–65 об.

⁶⁵ 1 октября 1918 г. все учёные степени и звания были отменены декретом СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учёных и высших учебных заведений Российской республики» (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 72). См. также: *Корзун В.П., Сидорякина Т.А.* К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2009. № 1. С. 70–75.

⁶⁶ НИОР РГБ, ф. 714, к. 2, д. 1, л. 12.

⁶⁷ *Михальченко С.И.* Дело профессора Е.Д. Сташевского // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 122–128.

⁶⁸ *Клюев А.И.* Из истории одной книги: Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 252–253. Известно о черновых набросках отзывов на диссертацию Н.П. Оттокара, сделанных в 1919 г. И.М. Гревсом и О.А. Добиаш-Рождественской. См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 726, оп.1, д. 166, л. 1–1 об.; ОР РНБ, ф. 254, оп. 1, д. 223, л. 1–61.

⁶⁹ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 2935, л. 4.

машинный характер»: «Диссертации представлялись не в напечатанном виде, а несколько экземпляров их отстукивалось на машинке, и один из них выставлялся для обозрения и использования в университетской библиотеке. Сомнительно, чтобы кто-нибудь их читал, кроме самого диспутанта и его оппонентов»⁷⁰. Практически все подобные диспуты устраивались для защиты диссертаций, соответствовавших тем, которые в дореволюционное время давали соискателю степень магистра. И хотя они не играли решающей роли при получении должности и права преподавания, молодые учёные видели в них способ укрепления своего авторитета в академическом сообществе.

Приобретение более высокого научного статуса стало регламентироваться с начала 1920-х гг. Так, в Украинской ССР уже в 1922 г. был принят Кодекс по народному просвещению, в п. 619 которого говорилось, что «для лиц высшей учёной квалификации устанавливается высшая учёная степень доктора»⁷¹. Официально получение степени доктора не давало никаких привилегий, тем не менее находились желающие подвергнуться публичному диспуту. Вероятно, их мотивация, как и у А.Е. Преснякова, лежала не в плоскости карьерных соображений, а была обусловлена желанием получить право на научную компетенцию и закрепить первенство своей научной концепции.

В мае 1926 г. на заседании Центрального совета Секции научных работников В.П. Волгин в докладе обосновал необходимость введения учёной степени доктора наук и унификации порядка её присуждения на всей территории страны, что должно было способствовать «упорядочению и уточнению дела квалификации научных работников» при занятии тех или иных должностей⁷². При этом Волгин ссылаясь на «инциденты почти комического свойства» – поездки на Украину и в Азербайджан для приобретения учёной степени⁷³. По сути, эти случаи свидетельствовали о сохранении ценности докторского статуса в учёной среде.

При обсуждении вопроса о том, кому следует предоставлять докторскую степень, мнения разделились. В Государственном Учёном совете считали возможным присуждать её аспирантам, прошедшим трёхлетний стаж, защитившим выпускное сочинение и подвергшимся коллоквиуму, а Центральное бюро Секции научных работников, которое представлял Волгин, напротив, полагало, что аспирант – не более, чем «в старое время приватдоцент» (так в тексте. – *Н.А., Н.Г.*), тогда как степень доктора «соответствует более высокой научной квалификации... достаточной и необходимой для занятия профессорской кафедры»⁷⁴.

Симптоматично, что участники этой дискуссии вынуждены были опираться на нормы и негласные правила, выработанные в рамках дореволюционной диссертационной системы. В проекте Государственного Учёного совета предусматривалось восстановление таких процедур, как публичный диспут, назначение официальных оппонентов, право присутствующих на защите выступать со своими замечаниями. Решение о присвоении учёной степени совет факультета

⁷⁰ Из научного наследия: Записка о присуждении учёных степеней С.А. Жебелёва. С. 161.

⁷¹ ГА РФ, ф. А-2307, оп. 2, д. 6, л. 278.

⁷² Волгин В.П. Об установлении единой учёной степени // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 23.

⁷³ Там же. С. 22–23.

⁷⁴ Там же. С. 24. По словам О.Ю. Шмидта, докторская степень должна указывать на то, что «лицо принадлежит к группе высококомпетентных работников в своей специальности».

должен был принимать квалифицированным большинством. Не подвергая сомнению принцип публичности, Центральное бюро Секции научных работников предлагало, чтобы степень присуждалась особым органом, в состав которого, помимо представителей деканата и предметных комиссий, входили бы все профессора и преподаватели⁷⁵. Фактически речь шла о создании специальных диссертационных советов. Кроме того, в тезисах «О введении учёной степени доктора» О.Ю. Шмидт вновь поставил вопрос о необходимости предоставления научным учреждениям и «третьим лицам» права инициировать присуждение степени без защиты, «если имеется в виду учёный, квалификация которого общеизвестна и в публичной проверке не нуждается»⁷⁶.

Постепенный процесс восстановления диссертационной системы в общих чертах завершился в первой половине 1930-х гг., когда нормативно были закреплены две учёные степени и создана Высшая аттестационная комиссия. В известной мере это означало вынужденное возвращение к прежним квалификационным требованиям, что позволяет говорить о частичном сохранении «старой» традиции.

⁷⁵ Там же. С. 30.

⁷⁶ Цит. по: *Волгин В.П.* Указ. соч. С. 29.

По линии наибольшего сопротивления (Памяти Л.В. Даниловой)

Александр Журавель

Людмила Валериановна Данилова занимает особое место в истории исторической науки второй половины XX в. Она не искала в науке лёгких путей – трудности сами находили её, и Людмила Валериановна старалась в меру сил их побороть или, по крайней мере, так или иначе противостоять им. Её место в отечественной исторической науке не оценено по достоинству. Исследователи постсоветского времени знают о Л.В. Даниловой в лучшем случае лишь как об авторе двух монографий по социальной истории средневековой Руси. О том, что она была одним из лидеров историков-шестидесятников, ведших самоотверженную борьбу за право учёных на свободное научное творчество, современные историки в массе своей не осведомлены. Не знакомы они и с Л.В. Даниловой как с крупным марксистским теоретиком. Между тем в нынешнюю эпоху «методологической шизофрении», как метко заметил Е.В. Анисимов¹, обращение к теоретическим трудам Л.В. Даниловой было бы крайне полезно.

Людмила Валериановна ушла из жизни 21 сентября 2012 г. на 89-м году жизни. Данный очерк является первой попыткой отразить её творческий и жиз-

© 2014 г. А.В. Журавель

¹ Так известный исследователь истории России XVIII в. выразился по поводу ситуации с современной учебной литературой по истории, которая в свою очередь является внешним отражением теоретической каши, царящей в головах многих историков новейшей эпохи. См.: Кто матери-истории ценен? (комментарий от 27 февраля 2013 г.) (URL: <http://www.lgz.ru/article/20975>). Дата обращения – 15 марта 2013 г.).